

На правах рукописи

Хаёрова Юлия Геннадьевна

**ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ
КАК ФАКТОР И ФОРМА САМОСОБИРАНИЯ
ЧЕЛОВЕКА**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Казань – 2008

Работа выполнена на кафедре общей философии философского факультета ГОУ ВПО «Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина»

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент
Сайкина Гузель Кабировна

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Меньчиков Геннадий Павлович

кандидат философских наук
Порошенко Ольга Юрьевна

Ведущая организация Казанский государственный
технологический университет
им. С.М. Кирова

Защита состоится 25 сентября 2008 года в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.16 при Казанском государственном университете имени В.И. Ульянова-Ленина по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корпус 2, ауд. 215.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Казанского государственного университета имени В.И. Ульянова-Ленина.

Автореферат разослан 13 августа 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук,
доцент

Г.К. Гизатова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования.

В настоящий период наблюдается глубинное изменение характеристик пространства и времени. Современную ситуацию, вслед за А.В. Ахутиным, можно определить как поворотное время, время концов и начал, «состояние после конца, но до начала»¹. Важным критерием отличия настоящей эры «текучей современности» от предшествующей эры «тяжелой» современности З. Бауман называет пространство и время.

Пространство и время человека выстраиваются в процессе общения и, по сути, являются социальными категориями. С их специфической формой связан способ включения человека в социально-культурный мир. Однако сегодня людям сложно быть современниками, трудно выстраивать пространство совместности для диалога - ослабла гравитация духа времени, распалась единая картина мира. Проблемой оказывается само существование, жизнь человека. Так, в наше время все труднее «родиться», «быть молодым», «стареть», «не стоять на месте» и «не отставать от жизни». Актуализируются темы одномерности, смерти человека, хроноцида (убийства времени), виртуальной реальности, потери человеком метафизического измерения вечности и бесконечности. Социальность оказалась не в состоянии выполнять функцию источника совместности и современности людей. Для поиска этого источника требуется обращение к первоосновным, на наш взгляд, формам пространства и времени – к пространству и времени человеческого бытия.

Для человека актуальна жизнь в двух измерениях: в подлинном (быйтийственном) и неподлинном. Но тогда в каких формах пространства и времени человек подлинно *живет*, где его истинное, живое пространство-время жизни? В связи с этим актуальна специфическая постановка проблемы жизненного пространства и времени человека.

В экзистенциальном отношении проблема жизненного пространства и времени человека проявляется в феномене потерянного во времени и пространстве, ситуативного, частичного, одномерного человека, живущего «сегодняшним днем» - неистинной, мертвой жизнью, замкнутого на самом себе, утратившего связь с реальностью, не видящего в ней свое место, существа без будущего и прошлого, неспособного овладеть существующими формами пространства и времени жизненного мира и собрать их в целое.

Для современности характерно усиление действия социальных сил (даже свободное время во многом не принадлежит самому человеку, а захватывается социальностью; рабочее и домашнее пространство-время сливаются в одно). Социальные институты, реклама, язык, идеология в различных своих проявлениях пытаются собрать человека извне. Ему легче поддаться внешней сборке, чем противостоять ей и самому создавать себя. Однако человеку, чтобы быть и оставаться человеком, необходимо самому

¹ Ахутин А.В. Поворотные времена / А.В. Ахутин. – СПб: «Наука», 2005. - (Серия «Слово о сущем»). – С. 6.

прикладывать усилия для собирания. От него самого требуется самостоятельный интенциональный акт «заботы о себе» (М. Фуко). Вероятно, той областью, где возможно самособирание человека, и является пространство и время его жизни. Поэтому мы исследуем внутреннее жизненное пространство и время человека в связи с автопоэтическими способами построения самого человека как целого.

Обладая большим эвристическим потенциалом, концепт жизненного пространства и времени человека включает в себе смылосодержащие ориентиры, позволяющие по-новому (через темпорально-спациальный анализ) взглянуть на жизнь человека и становление личности в социальности, а тематизация проблемы собирания человека в жизненном пространстве и времени - раскрыть ценностные аспекты принципов человеческого существования.

Конкретизацией анализа пространства-времени человеческой жизни становится в этом плане гуссерлианское понятие жизненного мира. Жизненный мир, с нашей точки зрения, продуктивно рассматривать как социальный феномен. Именно в таком качестве он может стать источником конституирования внутреннего мира человека. Анализ пространства и времени жизни человека через выявление социальной основы жизненного мира представляется нам наиболее перспективным способом исследования. Находясь на пересечении проблемных областей социальной философии, философской антропологии и онтологии, исследование приобретает особую жизненную значимость в условиях современного обострения проблематики человеческого существования.

Степень разработанности проблемы.

Долгое время в философии не фиксировалось внимание на жизненном пространстве и времени человека как на отдельной, самобытной форме пространства-времени, имеющей свои специфические особенности. На наш взгляд, проблема жизненного пространства и времени человека оказалась малоработанной прежде всего потому, что пространство и время традиционно относились к понятиям онтологического дискурса как объективные, независимые от человека внешние границы человеческого. В нашей работе мы рассматриваем пространство и время еще и как имманентные формы жизни человека, как продукты человеческого конструирования. Новаторским является исследование жизненного пространства-времени человека как формы и результата автопоэзиса.

Пространственно-временной подход к исследованию социальных явлений приобретает все большую значимость, предоставляя обширный инструментарий исследования, способствующий раскрытию новых оттенков социальной реальности. Жизненное пространство и время человека находится в методологическом поле многих областей знания, в сфере различных ценностно-целевых ориентаций. Однако не осуществлялись попытки синтезировать, по принципу дополнительности, различные модели

пространства-времени - не найдено их общее основание, что позволило бы показать их частными случаями универсального жизненного пространства-времени человека.

Исследование в заявленном нами аспекте опирается на рассмотрение жизни как автономного целого представителями философии жизни. Но жизнь берется нами не как безличное первоначало и особая субстанция, как ее понимали, например, Ф. Ницше, А. Бергсон, В. Дильтей, О. Шпенглер, А. Шопенгауэр, а жизнь как конкретная, человеческая «действующая жизнь», жизненный мир человека (Э. Гуссерль). Гуссерлианская линия осмысления нашла отражение в работах М. Хайдеггера и феноменологов - М. Мерло-Понти, Г. Башляра, Э. Левинаса и др.

Понятия жизненного пространства и времени человека активно используются в социальной философии, психологии, культурологии, антропологии, геополитике и т.д. Проблематика пространственно-временной оценки мира и человека, социокультурной обусловленности категорий пространства и времени затрагивалась в работах З. Баумана, М.М. Бахтина, Ж. Бодрийяра, В.И. Вернадского, П.П. Гайденко, Ж. Делеза, И. Канта, К. Леви-Стросса, Б.В. Маркова, Л.А. Микешиной, Х. Ортеги-и-Гассета, С.А. Смирнова, А. Дж. Тойнби, Н.Н. Трубникова, М. Фуко, О. Шпенглера. Социальная пространственность человеческого бытия представлена в работах Г. Башляра, П. Бергера, П. Бурдьё, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, Э. Левинаса, Т. Лукмана, П.А. Сорокина, А. Филиппова. Временной аспект человеческой жизни в различных его проявлениях исследовался Аврелием Августином, Аристотелем, Ф. Гваттари, Ж. Делезом, И. Кантом, М.К. Мамардашвили, Платоном, О. Розенштоком-Хюсси, М. Фуко, М. Хайдеггером, В.Г. Щукиным, М. Эпштейном.

Объект исследования - пространство и время как категории человеческой жизни.

Предмет исследования – жизненное пространство и время как фактор человеческой жизни и одновременно результат самособирания человека в жизненном мире.

Цель диссертационной работы – социально-философский анализ жизненного пространства и времени как фактора и формы события самособирания человека через выявление темпорально-спациального измерения жизненного мира. Для реализации поставленной цели исследования необходимо решить следующие теоретические **задачи**:

- критически исследовать представления о пространстве и времени и рассмотреть культурно-исторический процесс овладения пространством и временем, выявив тем самым эвристическую значимость исследования жизненного пространства и времени человека;

- выявить диалектику социальной сферы и жизненного мира, обнаружив недостаточность существующего подхода к социальности как оторванной от жизненного мира человека;
- раскрыть значение феномена жизненного мира как «дома» всех возможных форм пространства и времени, «родины» человеческой культуры и места культурного рождения каждого конкретного человека;
- подвергнуть анализу сущностные характеристики понятия «хронотоп» М.М. Бахтина, выявив границы применения данного понятия, в том числе при исследовании жизни человека;
- выявить специфику способа самособирания (автопоэзиса) человека в жизненном пространстве и времени как формы проживания человеком настоящей, «живой жизни» в событии совместности и современности.

Методологические основания исследования. На наш взгляд, в своих крайних формах традиционный социально-философский подход применительно к проблеме жизненного пространства и времени человека может быть нацелен преимущественно на исследование социального и культурно-исторического пространства и времени и тем самым выносить за скобки конкретную жизнь человека, а философско-антропологический подход при анализе может уводить от социальной реальности. Мы пытались избежать этих крайностей и осмыслить жизнь человека как единство культурно-общественного и личностно-человеческого пространства-времени.

В диссертации нашли применение методы и принципы топологического и темпорального анализа бытия человека в его классической (Аристотель, Платон, Августин, Р. Декарт, И. Кант), феноменолого-экзистенциалистской (М. Хайдеггер, М.К. Мамардашвили, О. Розеншток-Хюсси), постструктуралистской (Ж. Делез, Ф. Гваттари, М. Фуко) трактовках.

Большую роль в исследовании сыграли идеи М.К. Мамардашвили: психологической топологии пути жизни, «заново-рождения», «живой жизни», «утраченного времени», тавтологии, собирания человека через эстезис, у-топос, великодушие и современность и др. Для формирования концептуальной основы работы оказались значимы: идея «второй навигации» (Платон); анализ пространства и времени как форм субъективности, хотя и не в виде жизненного пространства и времени (И. Кант²); образ дома (Г. Башляр, Э. Левинас, Б.В. Марков, Г.П. Меньчиков, К. Ясперс), понятие хронотопа, «исторической инверсии» (М.М. Бахтин); анализ Эона и Хроноса (Ж. Делез), идея автопоэзиса-самопроизведения (Ж. Делез, Ф. Гваттари, С.А. Смирнов); концепция современности, принцип «*erimeleia*» - «заботы о себе» (М. Фуко), исследование проблем онтологии и метафизики человека (В.Д. Губин), культурно-исторический анализ

² Пространство и время предстают у Канта априорными формами теоретической разработки, а не практической жизни.

представлений о пространстве и времени как жизненных формах (Г.Д. Гачев, П.П. Гайденок, Н.Н. Трубников) и др.

Жизнь человека немислимо рассматривать вне ценностных категорий смысла и ценности жизни. Поэтому в ходе работы было необходимо *социально-философский, философско-антропологический и экзистенциальный* аспекты анализа дополнить *ценностным подходом*. Использование указанных подходов методологически значимо на фоне *логико-проблемного метода*, связанного с обнаружением основных проблемных узлов жизненного пространства-времени человека, *диалектического метода*, рассматривающего явления и процессы в их единстве и взаиморазвитии, *исторического метода, метода анализа и синтеза, компаративистского метода*, основанного на сопоставлении и сравнении философских систем, подходов к проблеме жизненного пространства-времени человека.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем:

- выделен новый срез проблематики социального пространства и времени – анализ жизненного пространства-времени человека, что впервые позволило определить понятие «жизненный мир» как категорию социальной философии, а сам феномен жизненного мира представить как основу и источник жизненности социальной сферы;

- выявлена амбивалентность функционирования жизненного пространства-времени человека в ситуации постмодерна: с одной стороны, человек теряет жизненную основу в мире в виде объективного пространства и времени; с другой стороны, открывается возможность жизни в непосредственном человеческом жизненном пространстве-времени (человек, чтобы оставаться человеком, оказывается вынужденным самостоятельно заботиться о своей человечности, а его одиночество и бесприютность могут способствовать открытию его новой свободы);

- в социально-философский анализ жизненного пространства-времени введено понятие зон-атопы для обозначения особой формы подлинного жизненного пространства-времени - настоящего как единства неделимого события, «живой жизни», чистого становления, синхронности времен (Зона) и свободы от определенного места (atopon'a), что позволило выявить событийную сущность жизненного пространства и времени человека;

- установлено, что человек собирает себя в акте автопоэзиса по принципу «второго плавания», смысл которого заключается в связи времен и создании цельного личного пространства посредством внутренней проблематизации и актуализации смыслов жизненного мира. Данный принцип позволил осмыслить жизненное пространство-время человека как одновременно свободную по отношению к внешнему миру форму и продукт самоконструирования человека;

- форма жизненного пространства-времени человека определена как единство и взаимодополнение двух измерений - жизнепредставления

(хронотопа) и жизнепрживания (эон-атопа), что позволило выявить связь жизненного мира человека с внепространственным и вневременным «срезом» мира (бытием) через событие совместности и событие современности.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Социальная ситуация постмодерна, резюмируемая в тезисах конца человека и смерти самого социального, оказывается оторванной от жизненного мира и приводит к одиночеству, «онтологической неуверенности» человека и разрушению связи человека с социальностью и миром в целом. В этой связи данное исследование вырабатывает особую философскую позицию, обращенную непосредственно к жизни человека и к самому человеку как источнику и средству «оживления» социального.

2. Человеческое жизненное пространство и время, по сути, есть форма жизни человека - не нейтральная, не абстрактная по отношению к человеку субстанция, но всегда ценностно нагруженная, конкретно-жизненная форма. Жизненное пространство и время связаны с сакральным измерением, неоднородны, не существуют сами по себе, а свободно выстраиваются жизнью человека через событие совместности и современности. Через со-бытие трансцендирования (в ситуации «тавтологии» – совпадения сущности и существования) жизненное пространство-время может выходить в измерение «живой» вечности и бесконечности.

3. Жизненный мир является многомерным смысловым единством пространства и времени – он содержит в себе все жизненные экзистенциальные возможности (все возможные пространственно-временные смысловые формы). В жизненном мире можно выделить ядро - центральные, глубинные, интимные «домашние» структуры внутреннего мира человека, для которых характерны архаичное время и закрытое, защищенное внутреннее пространство, существующие по законам души. Этот «домашний» жизненный мир, поддерживая форму человека, не давая ему раствориться в себе, одновременно связывает человека с жизненным миром культуры. Известная метафора дома получает в данном контексте новое определение в качестве социальной антитезы бытийственной бездомности человека.

4. Хронотоп как принцип осмысления и описания мира и человека в науке и искусстве представляет собой характерное для мышления классической культуры прямое перспективное видение, мертвое «картинное» представление жизни извне, с абстрактной точки зрения. Однако жизненное пространство-время человека выстраивается по принципу «пойэмы» и поэтому не может быть описано исключительно через понятие «хронотоп».

5. Жизненный мир в аспекте анализа пространства и времени представлен в проекции взаимодействия двух планов: плана хронотопического – научного анализирующего, разделяющего, определяющего, разворачивающегося в измерении «мертвой жизни»,

ставших структур, и плана эон-атопического – целостного, событийного, экзистенциального измерения «живой жизни». Эон-атопический подход способен дать адекватное описание событий социальной и человеческой жизни, которые существуют по особым, неньютоновским законам души и великодушия: им присуще нелинейное течение времени, сосуществование разнородных времен и неоднородное пространство. Два плана жизни – хронотопичный и эоничный – существуют в режиме взаимодополнения и соединяются в жизни человека, определяя форму его самособирания в целое в автопоэзисе.

Научно-практическая значимость. Настоящая диссертационная работа раскрывает потенциал темпорально-топологического подхода в области постановки социально-философских проблем и их исследования. Предлагается новый вариант целостного осмысления феномена жизненного пространства и времени в контексте жизненного установления человека. В ходе проведенного исследования обобщен и систематизирован значительный объем концептуально разрозненных работ в различных областях знаний, посвященных проблеме пространства и времени и жизни человека.

Результаты диссертации могут быть использованы при дальнейшей концептуальной разработке проблематики пространства и времени, жизни и человека, жизненного мира, а также при подготовке лекционных курсов и семинаров по социальной философии, философской антропологии, онтологии, культурологии, истории и философии науки, этике и эстетике.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационной работы изложены в 9 публикациях автора (одна – в издании, рекомендованном ВАК).

Отдельные теоретические положения и результаты исследования были изложены в выступлениях на итоговых научных конференциях студентов Казанского государственного университета (Казань, 2002-2004 гг.), на Международном научном симпозиуме «Время культурологии», посвященном 75-летию Российского института культурологии (Москва, 23-26 мая 2007 г.).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, дается общее представление о степени теоретической разработанности проблемы, формулируются цель и основные задачи работы, раскрывается научная новизна исследования и его научно-практическая значимость.

В первой главе **«Эвристическая значимость исследования жизненного пространства и времени человека»** рассматриваются основные интерпретации сущности пространства и времени в истории, раскрывается их конкретно-историческая и социальная обусловленность, анализируется эвристическая ценность жизненного пространства и времени человека.

В **§ 1. «Сущность пространства и времени как человеческих жизненных форм»** проводится анализ представлений о пространстве и времени, существующих в истории духовной мысли, и обосновывается необходимость выделения жизненного пространства-времени человека как особого предмета исследования.

Пространство и время в философии традиционно осмысляются как категории онтологии и гносеологии. В целом анализ пространства и времени осуществляется, с одной стороны, ноуменально и субстанциально (как объективных, существующих до, вне истории и жизни человека абстрактных сущностей) и, с другой стороны, феноменально и реляционно (как идей, форм синтеза сознания, непосредственно связанных с жизненными смыслами-ценностями человека, свойств, имманентно присущих реальности, способов существования материи, зависящих от «истории» ее изменения). Корни этих подходов заложены в самой культуре. Так, Г.Д. Гачев находит в качестве конкретных культурных истоков субстанциального подхода латинскую культуру (время—«tempus» здесь неразрывно связано с пространством—«extensio» и ощущается как движение, протяжение внутренней полноты-континуума), а реляционного — германскую культуру (время—«Zeit» и пространство—«Raum» понимаются как пустота для вмещения и размещения тел и событий). Жизненное пространство и время человека, на наш взгляд, необходимо исследовать феноменально и реляционно - как формы и способы существования человека и его жизни.

Способы понимания и формы пространства и времени — это всегда, в своем истоке, особые выражения конкретных социально-исторических форм смысловой связи людей, ценностно-окрашенных отношений, и поэтому, по сути, есть продукты, модусы жизненного пространства-времени человека. Они возникают как проекции их человеческого проживания и переживания, и, в свою очередь, задают самобытность культуры, а также характер жизни и образы личностей в ней.

Для человека жизненное пространство и время раскрывается в диалектическом единстве двух пластов: один - внутри человека, во внутриличностной центричной форме (жизнь как переживание и биография)

и другой - вовне человека, в социально-исторической эксцентричной форме (жизнь в истории, культуре, обществе), что показывает сущностную связь человека с миром. Жизненное пространство-время – это всегда *форма связи людей*, где со-бытие понимается как живое общение в солидарности, соединении смыслов. Посредством организации и трансляции смыслов достигается дление времени и устроение пространства жизни человека.

Жизнь в пространстве и времени – это специфически человеческое качество: только для человека сущностны пространство и время, и только в его жизненном мире они значимы как предмет творческой работы. Ценностное сознание, присущее жизни - переживание, полагание ориентиров, значимых мест в жизни - создает величину пространства и времени и делает возможными способности человека к воспоминанию и к целеполаганию. Посредством активного действенного и духовного участия или усилия человек способен вырваться из потока «естественного» пространства и времени: субъективно переживать их, овладевать ими, быть их создателем, собственником, устанавливая их изнутри себя в той мере, в какой он способен быть хозяином собственной жизни. Поэтому человек способен продуцировать множество пространственно-временных измерений.

Жизненное пространство и время не задано человеку и как таковое выстраивается смыслами жизненного мира и является не абстрактной однородной, бескачественной субстанцией (И. Ньютон), не пустой формой созерцания (И. Кант), а социально-исторически и конкретно-человечески смыслонаполненной формой жизнечувствования, жизнепредставления и жизнепроживания.

В § 2. «Культурно-исторический анализ представлений о пространстве и времени человеческой жизни» осмысляются социальные и культурные реалии в истории, обусловившие появление представлений о *жизненном* пространстве и времени человека.

Культурно-исторические формы пространства и времени, каждая из которых в свое время явилась колоссальным, мировоззренческой значимости изобретением, глубоко затронувшим суть человека, имплицитно существуют в современной социальной реальности и человеке. Обращение к ним является одновременно исследованием «азбуки» современных, более сложных, форм жизненного пространства-времени человека.

Любая новая форма бытия человека знаменует собой появление новой формы пространства-времени жизни человека. Так, в *античности* жизненное пространство и время человека полагались не моментами частного быта, а атрибутами рода и космоса, именно там располагалось человеческое. Образы пространства и времени мифологичны и спаяны в цикле, где все события оказываются существующими вечно и одновременно (начало и конец жизни отменяются) и воспринимаются как одно целое событие (век зона, мировая судьба). Внутреннее жизненное пространство-время не было оформлено: человек – еще одно с миром и определялся лишь через занимаемое им место. Бесконечность и вечность ощущались неестественными для мира свойствами

и приписывались хаосу, так как указывали на отсутствие цели, телоса, смысла, а значит и порядка мира.

Для античной культуры жизненно важно остановить время, удержать свое прошлое как настоящее. Наряду с ритуалами и архитектурными памятниками язык и позже письменность, на наш взгляд, явились наиболее мощными и универсальными средствами хранения времени и организации пространства. Если устная культура мифа живет в кратком настоящем-миге, включенном в вечность, то письменная культура раздвигает, длит время в будущее и прошлое – письмо «распрямило» время и сделало возможным представление жизни как хронологии, мертвой линейной последовательности. Язык как рациональный логос нес в себе импульс упорядочения, абстрагирования и виртуализации реальности мира, в итоге человек безвозвратно потерял непосредственную связь с живым течением жизни.

В средневековье «дом» человека оказался за рамками земного пространства и времени, а жизнь человека стала измеряться степенью причастности к божественному вечному и бесконечному измерению: «родина» человека – рядом с Богом. В отличие от античности, акцент ставился на временное измерение жизни человека, которое отличали от вечности и связывали с душой человека (Августин). Религиозные таинства воплощали фактически «экономику» времени – обмен времени греха на «чистое», священное время. Наряду с циклом как пространственно-временным символом утвердился образ креста, собирающего горизонталь поколений и вертикаль современников в единое общечеловеческое духовное пространство-время. Складывается линейная, событийная история мира. Время жизни человека теперь открыто, он оказался свободным творцом собственной души – судьба уже не определяет его жизнь: христианин живет парадоксально - от конца времен к новому началу. Но мера самого человека все еще не в человеке, а в Боге.

В эпоху Возрождения наметился поворот к человеческому измерению мира, но *Новое время* утвердило научную логику абстрактного субстанциального пространства и времени, существующего по законам объективного разума, который по большому счету не нуждается в человеке. Разрушается пространство интимной, близкой общности. Реализацией разума стала общественная сфера, функционирующая нормативно, диктующая время смены жизненных этапов человека. Человек как бесконечное неопределяемое существо экзистенциально не укладывался в рамки нормы, но социальность обязывала человека «знать свое место» и «быть ко времени», поэтому жизненное пространство и время как целое еще не выстраивалось самим человеком. Сложилась необходимость «точки зрения» – укорененного в истории *истинного* места, с которого человек взирает на мир. Истинным движением мыслилось бесконечное прямолинейное движение в пустоте, которое ощущалось скорее как вектор. Так же прогресс и проект ощущаются как *необходимое* движение истории мира и человека.

Сущность человека оказалась складываемой в историческом процессе. Время приобрело характер фетишизированной ценности («время-деньги»), переживалось как ограниченный ресурс, главная ценность человеческой жизни, но измерялось главным образом количественно, его источником стали часы. Пространство оказалось подчиненным по отношению ко времени моментом. Усложнилась ситуация разорванности человека: стало актуальным удвоение человека в акте рефлексии, разделение этической и эстетической, моральной и юридической, моральной и экономической сфер жизни, свободного времени самопроизводства человека и рабочего времени общественного производства. Раздробленному человеку сложно собраться в жизненное целое - разорванным и фрагментарным оказалось его пространство и время. Окончательно оформляется приватная сфера индивида, где человек не только свободен, но и ощущает неуютный страх одиночества, болезненно переживает состояние социальной и метафизической бездомности.

Приходящая на смену *неклассическая культура* приводит к установлению реляционного подхода к пространству и времени. Теперь человек осмысляет пространство и время не как отстраненные абстрактные сущности, а как экзистенциалы человеческого бытия – как пространственность и временность «бытия-в-мире» (М. Хайдеггер). Жизненное человеческое пространство-время оказывается ценностью, богатством человека, предметом заботы и уважения. Акцент смещается с абстрактно понимаемой жизни на конкретного живущего человека, с сущности на существование.

В **§ 3. «Поиск жизненного пространства и времени человека в ситуации постмодерна»** раскрывается противоречивый характер проблемы жизненного пространства и времени в ситуации постмодерна.

В ситуации постмодерна пространственные и временные границы становятся проницаемыми, смешиваются внешняя и внутренняя, публичная и приватная стороны жизни. В связи со «снятием» бинарных оппозиций идея смерти (истории, социальности, человека и т.д.) становится *началом* философствования. Пространство становится одномерным, вырождается в плоскость, обертку, инфраструктуру и сеть. Реальность мира оказывается «шизофренической», что выражается в разрушении связи времен и пространственных элементов, в пребывании жизни во фрагментированном настоящем, в потере способности человека к проективности собственной жизни. Поэтому постмодерн называют эпохой «без-», «пост-», «послевременья» (М. Эпштейн, П. Козловски). Но постмодерн можно определить и как «мир-до-начала» (А.В. Ахутин), так как это время концов, которые могут стать новыми началами. Значит, постмодерн должен нести в себе положительный заряд жизни, свойственный новой мифологичности, возвращению к первоначалам.

Становится приоритетным особый механизм дления моментов реальности через «отсрочку», выжидание (М. Эпштейн, П. Козловски,

З. Бауман) – искусственное установление промежутка для мысли, которое разносит начало и конец все дальше – до бесконечности, тем самым конструируя на виртуальном уровне матрицу времени и пространства для последующего размещения смыслов. Отсрочка, с одной стороны, вращивает будущее в настоящее, создает напряжение чувств и ощущение жизни, но, с другой стороны, мертвит естественное течение жизни, когда время тратится на пассивное ожидание чего-то одного, и другое дело не делается. Формой отсрочки на социально-экономическом уровне является, например, кредит.

Жизненное время в постмодерне осмысляется прежде всего как свободное время, которое, однако, понимается прежде всего как досуг – время для удовольствия, которое, по мнению Ж. Бодрийяра, является производительной силой и не принадлежит человеку, так как управляется в своей хронометрии тотальной абстракцией системы производства. Поэтому это досуговое время не работает на человека, не творит внутренний мир его души, а лишь дает человеку почувствовать свою субъектность – меня развлекают, но я и сам развлекаюсь.

Ж. Бодрийяр говорит о «смерти социального», но под этим, на наш взгляд, следует понимать смерть социальности как *иерархической* структуры, организованной по законам рационального разума. Человек теряет связи со всем, что извне придавало ему целостность и оказывается бездомным – выпадает из мира и эпохи. Даже в функционировании социальной системы человек осмыляется как избыточный момент (к примеру, негативная оценка пресловутого человеческого фактора). Предрекаемая М. Фуко «смерть человека» по сути является смертью человека как трансцендентно опекаемого существа, черпающего смыслы из иного, «внечеловеческого» мира. Но одиночество и бесприютность человека могут быть осмыслены, на наш взгляд, и как его новая свобода, подобно свободе «кочевника»-номада (Ж. Делез, Ф. Гваттари), который волен проходить там, где он хочет. Именно сегодня человеческое открыто, обнажено и максимально доступно взгляду изнутри и извне и становится предметом заботы самого человека. А сам мир, который раньше был по преимуществу миром «социальной реальности», может быть построен по принципу совместности и современности, где человек учится жить заново, по-человечески.

Во второй главе «Пространственно-временные основания жизненного мира человека: диалектика социального и человеческого» раскрываются социальные основания жизненного мира человека, проявляющиеся через событие совместности (сопространственности) и современности, и проводится исследование жизненного мира как дома человека.

В § 1. «Социально-культурный мир как место проживания человека: совместность и современность людей как необходимые условия общественной жизни» выявляется диалектика социального (или общественного) пространства-времени и жизненного пространства-времени

человека; источник жизненности социальности полагается в событии совместности и современности людей.

Человек зарождается и живет как *человек* в социально-культурном мире. Вследствие инкорпорированности социальности в человека социальное пространство-время оказывается первым источником и основой жизненного пространства-времени человека, однако они не сводимы друг к другу и могут существовать в противоречии. С нашей точки зрения, социальное имеет сущностно другой порядок, нежели человеческое. Социальное пространство-время предопределяет жизнь человека, но человек может выстраивать собственную реальность жизненного пространства-времени.

В отношении к человеку социальность предстает одновременно как объективные обстоятельства (фактор, фон, условие жизни) и как форма совместной жизни (когда человек участвует в творении социальности). Социальность в основном предлагает человеку для проживания «локусы» – культурные топосы, способные разворачивать душу человека в соответствии с занимаемым им местом и задавать особый способ чувствования, форму и ритм жизни (здание суда или театра, например). На наш взгляд, для преодоления асимметрии в соотношении социального и человека социальная жизнь человека должна быть представлена не через статус, занимаемое место, возраст, локус и габитус, а через общественное отношение, которое выстраивается в диалоге. Социальное пространство и время, осмысленные через феномены совместности и современности людей в обществе, оказываются пространством и темпом общественных отношений.

Современность и совместность являются источником континуумности, непрерывности социальной ткани, основой социально-культурной памяти, а связь множества взаимоотношений и взаимопониманий дает основу для выстраивания социальных отношений и компенсации «слабых» социальных связей. Со-бытие совместности и современности людей на основополагающем уровне жизни – в жизненном мире, обладающем качествами самоочевидности и человеческой теплоты, является источником жизни для социальности.

В **§ 2. «Жизненный мир как родина (дом) жизненных пространств и времен»** анализируется понятие «жизненного мира» (Э. Гуссерль), оно наполняется социальным содержанием, выделяются его измерения, рассматривается специфика пространства и времени дома – интимной, основополагающей формы жизненного мира человека.

Жизненный мир тесно связан с социально-культурным миром: с одной стороны, социальность пронизывает жизненный мир, встроена в него, способна изобретать и устанавливать жизненные «очевидности»; с другой стороны, жизненный мир дает основу для единения людей в совместности и современности – как близкая духовная связь людей в сети непосредственных взаимопониманий. Но экзистенциально человек живет прежде всего в непосредственном жизненном мире как в собственном доме и родине. Здесь располагаются все жизненные экзистенциальные возможности - все

возможные пространственно-временные смысловые формы, собранные в виде множества «узелков», и сходятся обыденное, повседневное и метафизическое (трансцендентное) измерения жизни. Все они воздействуют на строение жизненного ритма и смыслового поля жизни человека, полагая его многомерность. Дом являет собой диалектическое единство двух направлений: он одновременно собирает человека в центр, в целое и дает ему опору для выхода вовне, в мир.

В традиционной культуре домашний мир выполнял ключевую функцию связи человека с обществом - переводил внешний человеку социальный порядок во внутриличностный регистр, поэтому бездомный человек воспринимался как асоциальный, а уход из дома – как революция. Для современного человека актуальна жизнь в жилище, а не в доме – мифологема дома оказывается изжившей себя, человек переживает потерю собственных «корней». Его присутствие в мире теперь осмысливается через понятие ризома – человек не «укореняется», а лишь удерживается на поверхности мира «корешками». Подобное «истончение» корней приводит к оторванности от почвы и к потере человеком своего места. В результате человек теряет способность ощущать социальную реальность как дом, часть своего внутреннего мира. Однако, на наш взгляд, обнаруживается и положительный момент в феномене утраты человеком дома - со смертью дома как источника связи с социальным истинный дом переходит во внутренний регистр и оказывается расположенным во внутреннем мире, в душе человека.

Третья глава «Собирание себя в человека в жизненном пространстве и времени» посвящена анализу «заботы о себе» - техники самотрансцендирования через метафизическое измерение: собирания себя в человека и свою жизнь в настоящую через «автопоэзис», диалектику «живой» (эон-атопичной) и «мертвой» (хронотопичной) форм жизни человека.

В § 1. «Автопоэзис как принцип «живой жизни» человека: феномен современности» исследуется феномен самособирания человека посредством прорыва в метафизический уровень существования, где действуют особые законы «души и великодушия».

Человек своей жизнью не только участвует в построении окружающего жизненного мира: предметов, связей, других людей, но и сам собирает себя - связывает времена и создает цельное личностное пространство. Свой дом – дом души и понимания - человек строит сам из себя. Пространство и время обуславливают жизнь человека (выступая в данном случае как неосознанные, стереотипные, «мертвые» структуры), но они также сами есть результат его собирания (например, в виде живого понимания), имманентны человеку, представляют собой форму и меру человеческого достоинства-великодушия: его способность жить в полноте времен и пространств, быть свободным, жить живой жизнью, заботиться о себе, экзистенциально каждый раз

«заново-рождаться», таким образом собирая себя в акте автопоэзиса (самопроизведения).

Человек, даже находясь в настоящем «здесь и теперь», способен через событие прорваться в другие измерения – в вечное, бесконечное, в прошлое и будущее, и даже в то, чего нет (например, в мечте и надежде). Поэтому жизнь человека не может мыслиться как существование в одном «естественном» измерении. Человек, по сути, собирается в двух направлениях: в «первом плавании» – в естественном жизненном времени-пространстве, где он собирается случайно, извне, не являясь творцом самого себя, и во «втором плавании», где осуществляется его непосредственное экзистенциальное самособирание в живое жизненное пространство-время. Логика «второго плавания» работает во всех проявлениях души и в этом смысле является фундаментом всего человеческого в человеке: самосознания, памяти, понимания, совести, любви, творчества (прежде всего как самотворчества и самопроизведения) и т.д. – любого «выхода из себя» и возвращения к новому-себе, перерожденному. Существует экзистенциальное противоречие самособирания: человек одновременно есть «страсть», «выход из себя», но и определенная собранность, без которой невозможна его трансценденция. Без самособирания жизнь человека оказывается «кручением» в дурной бесконечности, потерянным временем мертвой жизни. Движение, когда человек изнутри самого себя собирается в форму, сопрягая пространства-времени своего жизненного мира, можно назвать самособиранием человека.

«Живой человек» собирает себя по законам души и великодушия в противоречивое драматическое целое-«пойэму» по принципу «второго плавания» - делая современными и сопостранственными себе смыслы через жизненную проблематизацию и актуализацию, со-бытийствуя жизненному миру, где и расположены все возможные жизненные пространственно-временные формы. Акт автопоэзиса являет человека как единство автора и произведения, сущности и существования, и поэтому его можно определить как «тавтологию». Невозможно найти четкие пространственно-временные границы данного акта – это установление метафизической вертикали по отношению к естественной горизонтали течения жизни, выход за границы в неведомое и одновременно создание новых границ (эстезис), поэтому место автопоэзиса неопределимо, атопично, выводит в измерение особой живой человеческой вечности и бесконечности.

Событие эстезиса представляет собой акт изнутри идущего саморасширения души, когда стираются все пределы, и в результате человек оказывается свободным. Пространство-время эстезиса – это пространство-время вдохновения и самоодушевления. С точки зрения рассудка, неопределенность эстезиса говорит о бесформенности души. Но на деле, напротив, акт эстезиса учреждает высшую цель и форму человека.

Человек как неопределимое до конца и стремящееся к себе существо может быть описан как утопия. Причем под утопией понимается здесь не пустая, внешняя человеку форма пространства и времени (признак его

бездности, неизбежной неуместности и несвоевременности), а, напротив, метафизическое место, которое стягивает, совмещает в целое разделенные в пространстве и времени точки, являя собой мета-форму, работающую по собственным законам. Человек здесь – всегда уместен и современен, так как сам собирает собственное пространство и время.

Сутью автопоэзиса является «живая» современность со-бытия человека жизненному миру. Под современностью здесь подразумевается не фактическое следование хронологическому течению времени, а сознательная установка, настрой человека в жизни, соединение собственной судьбы с судьбой мира, когда человек является не наблюдателем, а деятельным соучастником жизни. Событием современности человек собирает свою жизнь в настоящее, связывая пространства и времена в целое.

В **§ 2. «Эон-атоп и хронотоп: два способа «прочтения» жизни человека»** рассматривается двойственная природа настоящего как подлинного бытия человека.

Единственная актуальная реальность для человека, где он и существует подлинно, – это измерение настоящего, которое стягивает в единство современности жизненные времена и пространства. Поэтому поиск живого жизненного пространства-времени человека закономерно выводит к проблеме истинного, настоящего для человека пространства и времени жизни. Настоящее диалектично по природе, оно есть нераздельность пространства и времени, в отличие от прошлого (время, история) и будущего (утопия).

Настоящее может быть осмыслено как дискретная часть (отрезок времени, устойчивость) и единое течение времени (переход). В связи с этим Ж. Делезом выделяются два модуса настоящего - Хронос и Эон. Настоящее-хронос абстрактно, мертво, не нуждается в человеке, уничтожает живую связь времен, заменяя ее «рамкой» хронологии и установлением причинно-следственных отношений. Настоящее-эон, напротив, подобно единству века, в акте движения собирает времена в метаформу целого, осуществляя синкретизм мгновения и вечности в событии. Эон способен «ухватить» метафизическое в жизни – то, для чего нет места-топоса (по сути, эон оказывается «atopon'ом») и времени-хроноса (эон случается «вдруг»).

Исследование настоящего было дополнено введением и детальным анализом понятия М.М. Бахтина «хронотоп», понимаемого как конкретное единство пространства и времени, своеобразная форма выражения жизни как *определенного, законченного, установленного, конкретного, чувственно-наглядного образа жизни, явленного, внешнего мира*. На наш взгляд, данное понятие, являющееся в существе своем научным картезианским взглядом, больно пространством и способно дать не «живую жизнь» как таковую, а лишь ее образы с позиции извне самой жизни (как в картине мира), утверждая мертвую пустоту перспективы. Оно не умеет проникать внутрь, в душу человека, которая мало проницаема для взора, и, следовательно, не может уловить специфику процесса самособирания жизни человеком. В

результате, для исследования живого человека, актуальной живой беспредельности «живой жизни» и общественной сферы, для обозначения не только временного, но пространственно-временного прочтения жизненного пространства и времени, когда законы хронологии и топологии не действуют и обычная пространственно-временная логика не работает, было введено наряду с хронотопом понятие зон-атопы. В этом понятии компонент зона отражает способность собирать полноту времен в вечности, а часть «атопы» («аторон») акцентирует качество бесконечности, беспредельности зоны, отсутствие определенного топоса и одновременно повсеместность, пребывание во множестве мест сразу, способность к взрыву метафизической вертикали, к прорыву в вечность из пространства повседневной жизни. В результате смысл жизни оказывается пронизывающим время жизни, нелинейно, парадоксально выстраивая границы жизненного пространства-времени, преодолевая хронологию и привязку к месту-топосу.

Жизнь человека может быть «прочитана», с одной стороны, зон-атопично, когда человек проживает «живую жизнь» по законам души и великодушия, и, с другой стороны, хронотопично - как сохранение, собирание, накопление. Оба способа жизни диалектично дополняют друг друга в проживании «живой жизни» и немыслимы один без другого: при абсолютизации зон-атопичного «прочтения» не сможет проявляться форма, приобретаться фундамент жизни, а при исключительном применении хронотопичного способа есть опасность «умерщвления» жизни.

В **Заключении** диссертации подводятся итоги, формулируются основные выводы и показывается перспективы дальнейшей разработки поставленной проблемы.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Хаёрова Ю.Г. Проблема современного в жизни человека // Новая экономика и хозяйственная система России: проблема трансформации в условиях глобализации / Под ред. Е.В. Фахрутдиновой. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. – С. 196-199.
2. Хаёрова Ю.Г. Картиность мира: художественная событийность искусства как форма организации жизненного пространства и времени человека // Человек и общество в современном мире (парадоксы социально-философского дискурса): Сборник статей молодых ученых. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. - С. 108-121.
3. Хаёрова Ю.Г. Живущий в пространстве (человек в эпоху постмодерна) // Человек перед лицом глобального вызова: Сб. ст. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2006.- С. 47-52.
4. Хаёрова Ю.Г. Особенности научного миро-воззрения и религиозного миро-переживания в рамках концепта «хронотоп» М.М. Бахтина // Наука и религия в глобализирующемся мире: Сб. ст. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2007. – С. 50-54.

5. Хаёрова Ю.Г. Конкретно-исторические формы пространства и времени // Образование как пространство и время человеческого бытия: коллективная монография / Отв. ред. Ф.Ф. Серебряков. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2007. - С. 21-37.

6. Хаёрова Ю.Г. Пространство социальной реальности (категория «социальное пространство» философии) // Итоговая научная конференция студентов Казанского государственного университета 2002 года: Тез. докл. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2003 г. – С. 100.

7. Хаёрова Ю.Г. Социальное время как категория социальной философии // Итоговая научная конференция студентов Казанского государственного университета 2003 года: Тез. докл. / Д.М. Абузярова, А.К. Халиуллина, М.Т. Асхадуллина и др. – Казань: Казан. гос. ун-т., 2003. - С. 107.

8. Хаёрова Ю.Г. Проблема возможности пространственно-временных определений личности // Итоговая научно-образовательная конференция студентов Казанского государственного университета 2004 г.: Тез. докл. - Казань: Казан. гос. ун-т., 2004. - С. 109.

Публикация в издании, рекомендованном ВАК:

9. Хаёрова Ю.Г. Жизненное пространство и время как форма самособирания человека / Ученые записки Казанского государственного университета. – Т. 149. Кн. 5. - Серия Гуманитарные науки. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2007. – С. 224-232.